ХРИСТИАНСКОЕ ЧТЕНИЕ

**Научный журнал
Санкт-Петербургской Духовной Академии
Русской Православной Церкви**

№ 1 2024

А. Е. Жуков

К характеристике Музейного летописца

УДК 930.2(470+571)
DOI 10.47132/1814-5574_2024_1_263
EDN NFGBVJ

Аннотация: Статья посвящена характеристике одного из ключевых памятников русского летописания XV в. — Музейного летописца. Долгие годы данный текст вызывает оживленные дискуссии в отечественной историографии. Одни исследователи полагают, что в нем отразилась древнейшая редакция Вологодско-Пермской летописи, другие считают, что в данном произведении представлен один из этапов московского великокняжеского летописания. Рассмотрев композицию Музейного летописца, автор приходит к выводу о том, что обе точки зрения являются ошибочными. Действительно, в основу памятника была положена ранняя редакция Вологодско-Пермской летописи. Однако текст последней был существенно изменен. Музейный летописец представляет собой комплекс фрагментов, не связанных хронологически, однако объединенных общей темой становления Московского княжества в качестве центра русских земель и всемирного православия. По мнению исследователя, рассматриваемый памятник мог быть заготовкой для создания более масштабного исторического сочинения. Автор выдвигает гипотезу, что таким произведением мог стать хронограф, содержащий сведения по русской истории, подобно Хронографу 1512 г.

Ключевые слова: Музейный летописец, летописи, хронограф, рукописи, Великое княжество Московское, Кирилло-Белозерский монастырь.

Об авторе: **Артем Евгеньевич Жуков**
Старший научный сотрудник НИОР БАН (Санкт-Петербург).
E-mail: artemnovgor@inbox.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0003-0089-8343

Для цитирования: Жуков А. Е. К характеристике Музейного летописца // Христианское чтение. 2024. № 1. С. 263–280.

Статья поступила в редакцию 19.10.2023; одобрена после рецензирования 20.11.2023; принята к публикации 16.12.2023.

KHRISTIANSKOYE CHTENIYE
[Christian Reading]

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 1 **2024**

Artem E. Zhukov

On the Characteristics of the *Museum Chronicler*

UDK 930.2(470+571)
DOI 10.47132/1814-5574_2024_1_263
EDN NFGBVJ

Abstract: The article is devoted to the characteristics of one of the most important monuments of the Russian chronicle tradition of the 15th century — *Museum Chronicler*. For many years, this text caused discussion in Russian historiography. Some researchers believe that it reflected the oldest edition of the Vologda-Perm Chronicles, others think that the work presents one of the stages of Moscow Grand Duke chronicle writing. The examining of the composition of the *Museum Chronicler* resulted in the conclusion that both concepts are wrong. In fact, the monument was based on the early edition of the Vologda-Perm Chronicles. However, the text of the latter was significantly changed. The *Museum Chronicler* is a complex of passages that are not chronologically ordered, but united by a common theme of transformation of Moscow Principality into the center of the Russian lands and worldwide Orthodoxy. It is very probable that the *Museum Chronicler* could be a preparation for creating a larger historical work. The hypothesis is put forward that this work could be a chronograph containing information on the Russian history like the *Chronograph* of 1512.

Keywords: Museum Chronicler, chronicles, chronograph, manuscripts, Grand Principality of Moscow, Kirillo-Belozersky Monastery.

About the author: **Artem Evgenievich Zhukov**
Senior Researcher at the Manuscript Research Department of Library of the Academy of Science (Saint-Petersburg).
E-mail: artemnovgor@inbox.ru
ORCID: https://orcid.org/0000-0003-0089-8343

For citation: Zhukov A. E. On the Characteristics of the *Museum Chronicler*. *Khristianskoye Chteniye*, 2024, no. 1, pp. 263–280.

The article was submitted 19.10.2023; approved after reviewing 20.11.2023; accepted for publication 16.12.2023.

Одним из ключевых памятников русского летописания рубежа XV–XVI вв. является Музейный летописец. Древнейший его список помещен во второй части конволюта РГБ, Музейное собр. 3271, датируемой кон. XV в. (далее — Музейный список)[1]. Другой список находится в историческом сборнике 2-й пол. XVI в. БАН, 34.2.31 (далее — Воронцовский список, содержит фрагмент текста с 1423 г.). В историографии высказывались различные суждения относительно места Музейного летописца в системе русского летописания. Впервые к его изучению обратился А. Н. Насонов. По мнению исследователя, до 1418 (6926) г. памятник представляет собой извлечение из Софийской I летописи или её протографа, а с 6930 г. частично совпадает со списком Царского Софийской I летописи, представляя при этом более раннюю редакцию, т. к. список Царского кончается на 1509 г. [Насонов, 1955, 250–251]. Выводы А. Н. Насонова были опровергнуты И. М. Кудрявцевым. Исследователю удалось показать, что текст Музейного летописца ближе не к Софийской I, а к Вологодско-Пермской летописи. По мнению И. М. Кудрявцева, в нем отразилась древнейшая редакция последней [Кудрявцев, 1962, 232]. Другая точка зрения была сформулирована Я. С. Лурье. Принимая выводы И. М. Кудрявцева, исследователь причислил Музейный летописец к памятникам Вологодско-Пермского семейства, к которому относятся также Вологодско-Пермская летопись (представленная тремя различными редакциями), Никаноровская летопись и Летопись Лавровского[2]. Однако определение памятника как древнейшей редакции Вологодско-Пермской летописи исследователь считал ошибочным. Во-первых, Я. С. Лурье отметил, что в Музейном летописце отсутствуют специфические вологодские известия. Во-вторых, ученый обратил внимание на то обстоятельство, что после завершения основного летописного текста на 6960 (1453) г. в памятнике помещены дополнительные статьи

[1] Рукопись РГБ, Музейное собр. 3271 представляет собой конволют, состоящий из двух частей. Научное описание палеографических особенностей и содержания всего сборника целиком было выполнено И. М. Кудрявцевым [Кудрявцев, 1962, 220–224]. Вторая часть содержит собственно Музейный летописец и отрывок славянского перевода «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия. Первая часть представляет собой сборник смешанного содержания, в составе которого отразилось множество оригинальных текстов. Характеристике первой части посвящена обширная историография. С. О. Долгов опубликовал по ней тексты Соборного приговора 1490 г. против еретиков и Поучение митрополита Зосимы [Долгов, 1902]. П. Н. Сакулин издал краткий пересказ Повести о воеводе Евстратии, восходящий, по его мнению, к саге о Велизарии [Сакулин, 1902, 481–487]. Ржига в статье, посвященной Ермолаю-Еразму, коснулся помещенного в сборнике списка Повести о Митяе архимандрите [Ржига, 1926, 103–200]. А. Д. Седельников выполнил описание первой части сборника, а также опубликовал по ней Речи посла цесарева. Исследователь датировал ее 1491 г. или концом 1490 г. [Седельников, 1932, 33–57]. Я. С. Лурье вторично опубликовал тексты Соборного приговора 1490 г. и Поучения митрополита Зосимы и впервые — отрывок послания архиеп. Геннадия Новгородского к неизвестному. В отличие от А. Д. Седельникова он датировал первую часть сборника временем не ранее 1492 г. [Казакова, Лурье, 1955, 382–386]. А. А. Зимин опубликовал фрагменты из «Хожения за три моря Афанасия Никитина» [Зимин, 1957, 437–439]. Н. А. Мещерский рассмотрел заключительную часть сборника РГБ, Музейное собр. 3271, содержащую отрывок «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия и пришел к выводу, что данный список является самым ранним по времени, однако в отношении языка отражает редакторскую правку, связанную со вторым южнославянским влиянием [Мещерский, 1958, 19–20]. А. И. Клибанов изучил текст «Десятина Нивы» в первой части конволюта и указал на его социальную направленность [Клибанов, 1960, 250–251]. А. И. Плигузов рассмотрел и опубликовал текст «Сказания о человецех незнаемых» [Плигузов, 1993, 11–97]. О. Л. Новикова обратилась к изучению деятельности составителя первой части рукописи, выявив еще несколько рукописей, вышедших из-под его пера. Имя этого книжника установить не удалось, однако он, по мнению исследовательницы, был насельником Кирилло-Белозерского монастыря и мог пользоваться не только библиотекой самой обители, но и личными рукописями ее жителей [Новикова, 2011; Новикова, 2012; Новикова, 2016].

[2] Далее мы будем именовать указанные памятники летописями вологодско-пермской группы или вологодско-пермского семейства.

за 6916 г. «О Едигеи», «О Талыче» и статья 6919 г. «О княжне Анне». Если бы указанные известия были заготовкой для Вологодско-Пермской летописи, они бы совпадали с текстом, вставленным в последнюю под 6916 г. Однако в Музейном летописце нет статей «О коркоте», «О миру с Витофтом» и «О тфирских князеи». На этом основании Я. С. Лурье сделал вывод, что дополнительные статьи не могли быть заготовкой для позднейших редакций Вологодско-Пермской летописи. Исследователь считает, что в основу Музейного летописца был положен текст, доведенный до 1453 г. По мнению Я. С. Лурье, данный памятник был первым московским великокняжеским летописным сводом, созданным в 50-е гг. XV в. Дополнительные статьи «О Едигеи», «О Талыче» и «О княжне Анне» были вставлены в текст из другого источника, близкого к Никаноровской и Вологодско-Пермской летописям. Оттуда же в Музейный летописец были заимствованы рассказы о походе на Новгород Ивана III и о стоянии на Угре [Лурье, 1973, 227–230]. В последующих работах Я. С. Лурье повторил эти выводы в более сжатом виде [Клосс, Лурье, 1976, 128–129; Лурье, 1976, 132–134; Лурье, 1994, 16]. Противоположная точка зрения была сформулирована Б. М. Клоссом. Исследователь полагает, что в основу всех летописей вологодско-пермской группы лег Московский летописный свод 1477 г., дополненный по другим источникам. Музейный летописец (в фрагментах до 6988 г.) и Летопись Лавровского (в первой части до 6977 г.) передают текст Вологодско-Пермской летописи, но содержат лучшие чтения по сравнению с последней. На этом основании Б. М. Клосс предположил, что Музейный летописец и Летопись Лавровского отражают первоначальную редакцию Вологодско-Пермской летописи или общерусскую основу этой летописи [Клосс, Лурье, 1976, 129–135]. В предисловии к переизданию Вологодско-Пермской летописи, которое вышло в 2006 г., исследователь повторил выводы, сформулированные ранее [Клосс, 2006, XIII–XIV].

Таким образом, вопрос о месте Музейного летописца в системе русского летописания до сих пор не решен окончательно. Одни исследователи считают, что в нем отразился московский свод 50-х гг. XV в., другие видят в указанном памятнике одну из наиболее ранних редакций Вологодско-Пермской летописи. В настоящей статье мы обратимся к данной полемике и попытаемся определить, что же на самом деле представляет собой рассматриваемое произведение.

В ходе изучения Музейного летописца исследователи провели доскональное изучение его текстологических особенностей. Как было отмечено выше, в результате этой работы было установлено, что его текст ближе всего к Вологодско-Пермской летописи. Каких-либо известий, которые бы отсутствовали в последней, в Музейном летописце обнаружить не удалось. При этом в научной литературе не уделялось должного внимания композиции рассматриваемого памятника. Однако, на наш взгляд, именно структура текста является ключом к пониманию природы Музейного летописца. Поэтому ниже мы рассмотрим особенности расположения известий в нем. Текст памятника распадается на две неравные части, каждую из которых целесообразно проанализировать отдельно. Первая часть Музейного летописца (л. 66–97 об.) представляет собой комплекс воинских повестей, расположенных не в хронологической последовательности. Повествование открывается Повестью о взятии Царьграда фрягами (6712 г.) без дополнительных статей «О иконе Пречистои Одиогитрии въ Цареграде» и «О ризе пресвятеи». Далее следуют Повесть о битве на р. Калке (6732 г.) и комплекс известий о походах Батыя на Русь (6745–6748 гг.). После этого повествование неожиданно возвращается к более ранним событиям: в Музейном летописце читается Повесть о битве на р. Липице (6724 г.). Ниже мы рассмотрим текстологические особенности перечисленных текстов.

Повесть о взятии Царьграда фрягами помещена в самом начале Музейного летописца. Данный текст получил широчайшее распространение в русской исторической книжности, однако все его списки могут быть разделены на три вида. Первый и наиболее ранний вид представлен в Новгородской I летописи старшего и младшего изводов (далее — Новгородский вид). Второй, более поздний вариант

сложился в XV в. и отразился в Софийской I летописи и близких к ней памятниках, в том числе — в летописях вологодско-пермского семейства (далее — Софийский вид). Главное отличие двух указанных разновидностей текста заключается в том, что в Софийском виде после самой повести вставлены два кратких рассказа «О иконе Пречистои Одиогитрии въ Цареграде» (далее — «О иконе Одигитрии») и «О ризе Пресвятеи» (далее — «О ризе»). Третий вид представлен в Летописце Еллинском и Римском (далее — Хронографический вид). Как и в Софийской I летописи, здесь после Повести о взятии Царьграда фрягами помещены краткие сообщения «О иконе Одигитрии» и «О ризе». При этом сам текст Повести о взятии Царьграда фрягами в Еллинском летописце в одних чтениях сближается с Новгородским видом, а в других — с Софийским[3].

В Музейном летописце краткие рассказы «О иконе Одигидрии» и «О ризе» отсутствуют. При этом текст самой Повести о взятии Царьграда фрягами принадлежит к Софийскому виду. Так, в Музейном летописце читается: «И внидоша в тои корабль, где Исакович, и обыскавше вся» (Музейный летописец. Л. 66). Сходное чтение дает Софийская I летопись (Софийская I летопись, 2000, 254). В Новгородской I летописи и Еллинском летописце вместо «где Исакович, и обыскавше вся» читается «идеже бяшеть, и вся места обискаша» (Новгородская I летопись, 2000, 46; Летописец Еллинский и Римский, 1999, 507). В Музейном летописце представлен фрагмент: «А царева и папина благословенья забыша, что зла Греческои земли не сътворити» (Музейный летописец. Л. 67). Текст совпадает с Софийской I летописью (Софийская I летопись, 2000, 254). В Новгородской I летописи и Еллинском летописце чтение выглядит иначе: «А цесарева веления забыша и папина» (Новгородская I летопись, 2000, 46; Летописец Еллинский и Римский, 1999, 507). Отрывок «что зла Греческои земли не сътворити» в этих двух памятниках отсутствует вовсе. В Музейном летописце и Софийской I летописи читается: «Наказал бо их бяше преже Исакович» (Музейный летописец. Л. 69; Софийская I летопись, 2000, 257). В Новгородской I летописи и Еллинском летописце помещен другой вариант данного чтения: «Весть бо имъ бяше далъ Исаковиць, а грькомъ повеле пустити на корабле на не; темь же и не погореша» (Новгородская I летопись, 2000, 48; Летописец Еллинский и Римский, 1999, 509). Наконец, в Музейном летописце приводится чтение: «И люди много множество побиша и ограбиша» (Музейный летописец. Л. 70). Текст совпадает с Софийской I летописью (Софийская I летопись, 2000, 258). В Новгородской I летописи чтение существенно отличается: «Черньче же и чернице, и попы облупиша и неколико ихъ избиша» (Новгородская I летопись, 2000, 49). В Еллинском летописце текст ближе к Новгородской I летописи: «Черноризьцов и черноризиць и попы обоимаша и неколико их избиша» (Летописец Еллинский и Римский, 1999, 510). Мы рассмотрели лишь наиболее показательные чтения. Во всех вышеперечисленных случаях текст Музейного летописца совпадает с Софийской I летописью и отличается от Новгородской I летописи и Еллинского летописца. Ни одного общего чтения с Новгородской I летописью в Музейном летописце нам выявить не удалось. С Еллинским летописцем рассматриваемый памятник сближается только в тех случаях, когда в последнем чтение совпадает с Софийской I летописью.

Из всех списков Повести о взятии Царьграда фрягами Софийского вида текст Музейного летописца ближе всего к спискам Софийской I летописи старшего извода и Вологодско-Пермской летописи. В списках Софийской I летописи младшего извода читается: «Фрягы же уведавше ята Исаковича и въеваху около града, просяще у Мурчюфлы Исаковича. „Отъидемъ к немецскому царю, отънелиже есмы

[3] По мнению М. А. Шибаева, Новгородская I летопись послужила источником правки Еллинского летописца. Исследователь считает, что исправления осуществлялись по Академическому списку Новгородской I летописи [Шибаев, 2004, 203–204]. На наш взгляд, исправления производились по более раннему списку Новгородской I летописи, поскольку в ряде чтений Еллинский летописец сближается с древнейшим списком данного памятника — Синодальным [Жуков, 2013, 153–156].

присланы, а тебе царство его". Мурчюфл же и бояре его не даша его жива, и уморивше Исаковича» (Софийская I летопись, 1925, 187). В Софийской I летописи старшего извода, Музейном летописце и Вологодско-Пермской летописи выделенный фрагмент пропущен (Софийская I летопись, 2000, 256; Музейный летописец. Л. 68; Вологодско-Пермская летопись, 2006, 58). В некоторых чтениях Музейный летописец сближается непосредственно с Вологодско-Пермской летописью. Так, в обоих памятниках читается: «Инех же церквьи не можеть человеко исповедати» (Музейный летописец. Л. 70; Вологодско-Пермская летопись, 2006, 59). В Софийской I летописи старшего извода вместо «исповедати» читается «сказати» (Софийская I летопись, 2000, 258). Ниже по тексту в Музейном летописце и Вологодско-Пермской летописи приводится текст: «Царь же не хотя его убити, повеле ему очи ослепити стыслом» (Музейный летописец. Л. 70; Вологодско-Пермская летопись, 2006, 59). Чтение «стыслом» является специфическим вариантом летописей вологодско-пермского семейства. В Софийской I летописи читается «стъклом» (Софийская I летопись, 2000, 258). При этом чтения Музейного летописца более исправные, чем в других списках Вологодско-Пермской летописи. Так, в нем читается: «Оже нету нам Исаковича, с ним же есмя пришли, да луче ны есть умрети у Царяграда, нежели с страхъм и срамом отъити» (Музейный летописец. Л. 68 об.). В Софийской I летописи приводится сходное чтение (Софийская I летопись, 2000, 256). В Вологодско-Пермской летописи читается «со страхом», «и срамом» отсутствует (Вологодско-Пермская летопись, 2006, 58). В Музейном летописце приводится чтение: «А с нижних на град възлезоша» (Музейный летописец. Л. 69). Текст совпадает с Софийской I летописью (Софийская I летопись, 2000, 257). В Вологодско-Пермской летописи вместо «възлезоша» читается «возыдоша» (Вологодско-Пермская летопись, 2006, 59).

Таким образом, Повесть о взятии Царьграда фрягами в составе Музейного летописца текстологически наиболее близка к тексту в Вологодско-Пермской летописи. Более того, некоторые чтения Музейного летописца более исправны по сравнению с последней. Вместе с тем при его составлении из текста были удалены две краткие повести, присутствующие во всех списках Софийской I и Вологодско-Пермской летописи. Ниже мы попытаемся установить возможные причины этой редакторской правки. Сейчас, однако, обратимся к текстологической характеристике других произведений, помещенных в начале Музейного летописца.

Повесть о битве на р. Калке. Текст Повести в Музейном летописце совпадает с Софийской I летописью и летописями Вологодско-Пермского семейства. При этом по сравнению с ними он содержит несколько позднейших чтений. Так, в Музейном летописце отсутствует отрывок «о нихъ памяти ради рускых князеи и беды, яже от нихъ бысть имъ» (Софийская I летопись, 2000, 275; Музейный летописец. Л. 71). Представляется, что данный пропуск следует рассматривать как пример гаплографии, возникший в самом Музейном летописце, поскольку в родственных ему Вологодско-Пермской летописи и Летописи Лавровского текст совпадает с Софийской I летописью (Вологодско-Пермская летопись, 2006, 66; Летопись Лавровского, 2018, 139). Ниже по тексту в Софийской I летописи читается: «И прииде ту вся земля Половетьская и вси их князи» (Софийская I летопись, 2000, 278). Аналогичный текст помещен в Вологодско-Пермской летописи и Летописи Лавровского (Вологодско-Пермская летопись, 2006, 68; Летопись Лавровского, 2018, 140). В Музейном летописце отсутствует чтение «их» (Музейный летописец. Л. 73). В Софийской I летописи читается отрывок: «А выгоньци галическии приехаша в лодьях по Днепру» (Софийская I летопись, 2000, 279). Текст дословно совпадает с Вологодско-Пермской летописью и Летописью Лавровского (Вологодско-Пермская летопись, 2006, 68; Летопись Лавровского, 2018, 140). В Музейном летописце вместо «приехаша» приводится чтение «придоша» (Музейный летописец. Л. 73). В Софийской I летописи читается: «Исходяаху противу им съ кресты» (Софийская I летопись, 2000, 282). В Музейном летописце чтение «им» отсутствует (Музейный летописец. Л. 75 об.). В Вологодско-Пермской летописи и Летописи Лавровского текст совпадает с Софийской I летописью (Вологодско-Пермская

летопись, 2006, 69; Летопись Лавровского, 2018, 141). При этом в отдельных чтениях Музейный летописец сближается с летописями вологодско-пермской группы против Софийской I летописи. Так, в последней читается «Бе бо с ними Домамеричь Юрьи» (Софийская I летопись, 2000, 279). В Музейном летописце, Вологодско-Пермской летописи и Летописи Лавровского вместо «с ними» дается чтение «с нами» (Музейный летописец. Л. 73; Вологодско-Пермская летопись, 2006, 68; Летопись Лавровского, 2018, 140). Некорректное чтение «с нами» возникло в архетипе летописей вологодско-пермского семейства. В Софийской I летописи читается: «А иных князеи, гонячи до Днепра, 6 убиша: князя Мьстислава Яневьскаго, Изяслава Инговорьскаго, Святослава Шумьскаго, Мьстислава Черниговьскаго съ сыномъ» (Софийская I летопись, 2000, 282). В Музейном летописце вместо «Инговорьскаго» читается «Новогородскаго» (Музейный летописец. Л. 75 об.). В Летописи Лавровского данное чтение отсутствует (пропущено). В Вологодско-Пермской летописи текст совпадает с Музейным летописцем (Вологодско-Пермская летопись, 2006, 69). Иными словами, текст Повести о битве на р. Калке сходен в Музейном летописце с Вологодско-Пермской летописью, однако содержит целый ряд позднейших чтений.

Комплекс известий о походах Батыя на Русь за 6745–6748 гг. Текст Музейного летописца дословно совпадает с Софийской I летописью и летописями вологодско-пермской группы, однако содержит несколько позднейших чтений. В частности, в Музейном летописце отсутствует фрагмент: «Тако же и преже сих от нас Господь силу отня, а недоумение» (Софийская I летопись, 2000, 289; Музейный летописец. Л. 79). Данный пропуск является его индивидуальной гаплографической ошибкой, которой не было в протографе памятников вологодско-пермского семейства, поскольку в Летописи Лавровского и Вологодско-Пермской летописи приведенное чтение сохранилось (Вологодско-Пермская летопись, 2006, 71; Летопись Лавровского, 2018, 142). Далее в Музейном летописце читается «овых рассекоша мечи» (Музейный летописец. Л. 77) вместо «рассекааху», как в Софийской I летописи (Софийская I летопись, 2000, 289). В Летописи Лавровского и Вологодско-Пермской летописи текст совпадает с Софийской I летописью (Летопись Лавровского, 2018, 142; Вологодско-Пермская летопись, 2006, 71). Следовательно, в протографе вологодско-пермской группы также читался вариант «рассекааху» или близкий к нему. В сообщении о пленении Василька Константиновича в Софийской I летописи приводится чтение: «И ведоша въ станы своя съ великою нуждею» (Софийская I летопись, 2000, 295). В Музейном летописце вместо «станы» читается «страны» (Музейный летописец. Л. 81 об.). В Летописи Лавровского и Вологодско-Пермской летописи текст сходен с Софийской I летописью (Летопись Лавровского, 2018, 144; Вологодско-Пермская летопись, 2006, 73). Однако в некоторых случаях Музейный летописец и памятники вологодско-пермского семейства дают общее чтение против последней. Так, Софийская I летопись в сообщении о требовании Батыем десятины от рязанских князей содержит чтение: «Десятое въ бурых, десятое в рыжихъ, десятое в пегых» (Софийская I летопись, 2000, 288). В Музейном летописце, Вологодско-Пермской летописи и Летописи Лавровского отсутствует чтение «десятое в рыжих» (Музейный летописец. Л. 79; Вологодско-Пермская летопись, 2006, 71; Летопись Лавровского, 2018, 141). В тексте о смерти Василька в Софийской I читается: «Се бо чюдно есть, ибо по смерти совокупилъ Богъ телеса ихъ» (Софийская I летопись, 2000, 297). В Музейном летописце предлог «по» пропущен (Музейный летописец. Л. 83 об.). В Летописи Лавровского и большинстве списков Вологодско-Пермской летописи чтение совпадает с Музейным летописцем (исключение составляет Чертковский список Вологодско-Пермской летописи, в котором предлог «по» был вновь вставлен в текст) (Вологодско-Пермская летопись, 2006, 74; Летопись Лавровского, 2018, 144).

Повесть о битве на р. Липице. Текст в Музейном летописце совпадает с памятниками вологодско-пермского семейства, которые содержат ряд разночтений против Софийской I летописи. Приведем наиболее значимые из них. В Музейном летописце читается: «Они же то слышавше и послаша к брату своему стареишему

в Ростовъ х Костянтину» (Музейный летописец. Л. 88–89). Сходное чтение приводится в Летописи Лавровского и Вологодско-Пермской летописи (Летопись Лавровского, 2018, 17; Вологодско-Пермская летопись, 2006, 61). В Софийской I летописи на этом месте помещен пространный текст со слов «И ркоша промежи себе князи: „Ты, Ярославе, с плотью, а мы съ крестомъ честнымъ“» до слов «И ту приеха Костянтинъ с Ростовци. И възрадовашася, видевшеся, и крестъ целоваша» (Софийская I летопись, 2000, 263–264). Далее в Музейном летописце, Летописи Лавровского и Вологодско-Пермской летописи помещено чтение: «Они же тако обещашася ему. Ярослав же так же прибегъ одинъ в Перьяславль на пятомъ коне, а 4(!)[4], и затворися еще бъ не насытися крови человечьскыя» (Музейный летописец. Л. 95 об.; Вологодско-Пермская летопись, 2006, 20; Летопись Лавровского, 2018, 65). В Софийской I летописи читается более пространный текст: «Они же тако обещашася ему. Ярославъ же такоже прибегъ одинъ въ Переяславль на 5 кони, а 4 одушилъ, и затворися. И не довле ему о первомъ зле; не насытися крови человеческыя и изби в Новегороде люди много и въ Торьжку и на Волоце» (Софийская I летопись, 2000, 272). Ниже в Музейном летописце, Летописи Лавровского и Вологодско-Пермской летописи помещено чтение: «Хотяху же ратни приступити. Князи же не даху им» (Музейный летописец. Л. 96; Вологодско-Пермская летопись, 2006, 65; Летопись Лавровского, 2018, 20). Софийская I летопись дает более пространный текст: «Смоляне же прошаахуся отчина взяти градъ. И князь Владимеръ не пусти ихъ. И высла князь Юрьи съ челобитиемъ къ княземъ» (Софийская I летопись, 2000, 272). Таким образом, в Музейном летописце, как и в других памятниках вологодско-пермской группы, представлен сокращенный вариант повести о битве на р. Липице.

Расположение отдельных повестей за пределами летописной хронологии типично для ранних памятников вологодско-пермского семейства. Так, в Летописи Лавровского после завершения основного текста помещены Повесть о битве на р. Калке и известия о походах Батыя на Русь. Повесть о взятии Царьграда фрягами как таковая в ней отсутствует. Читается лишь первая фраза, которой открывается ее текст: «В лето 6712. Царствующу Алексе въ Цариграде въ царстве Исаакове, брата своего ослепив, а сам царемь ста» (Летопись Лавровского, 2018, 146). После этого помещены краткие сообщения «О иконе Одигитрии» и «О ризе». Цикл известий завершается сообщением «Преставленье великаго князя Александра» (Летопись Лавровского, 2018, 147). Далее уже с нового листа начинается краткий фрагмент о расселении славян (Летопись Лавровского, 2018, 147–148). В Лондонском списке Вологодско-Пермской летописи вне хронологии помещены рассказ Повести временных лет о расселении племен, Послание новгородского архиеп. Василия о рае, Житие Бориса и Глеба, рассказы о преставлении кн. Александра Невского, об испытании веры кн. Владимиром, о походе кн. Олега на Царьград, о убиении кн. Михаила Черниговского в Орде, Повесть о битве на р. Калке, сообщения о нашествии Батыя, Повесть о взятии Царьграда фрягами с дополнительными статьями «О иконе Одигитрии» и «О ризе»[5]. Некоторые из статей Лондонского списка отсутствуют в Летописи Лавровского, что может быть связано с механическими утратами текста[6]. Однако очевидно, что в основе обоих памятников лежал общий протограф, в котором указанные повести были расположены за пределами летописной хронологии. В Музейном летописце состав начальных статей, в целом, сходен

[4] Так в Музейном летописце и Летописи Лавровского. В Вологодско-Пермской летописи после «4» читается «задушил».

[5] Первый том Лондонского списка Вологодско-Пермской летописи неоднократно расшивался. Поэтому в настоящее время порядок листов в манускрипте нарушен. Правильное расположение листов см.: [Майоров, Афанасьева, 2013, 49–50].

[6] В частности, из всей начальной части Повести временных лет в Летописи Лавровского сохранился только отрывок о расселении славян. Однако сам факт наличия в тексте данного фрагмента свидетельствует о том, что начальная часть Повести временных лет в рассматриваемом памятнике присутствовала.

с Летописью Лавровского и Лондонским списком, однако имеет свои особенности. Во-первых, в рассматриваемом памятнике отсутствует начальная часть Повести временных лет, равно как и сообщения за X–XI вв. Во-вторых, как было отмечено выше, статьи «О иконе Одигитрии» и «О ризе», которые должны сопровождать Повесть о взятии Царьграда фрягами, удалены из текста. В-третьих, в состав начальных статей вынесена Повесть о битве на р. Липице, которая и в Летописи Лавровского, и в Лондонском списке помещена в соответствии с хронологией под 6724 г. Можно, конечно, предположить, что данный памятник располагался среди дополнительных статей и был включен в основной текст в общем протографе Летописи Лавровского и Лондонского списка. Мы, однако, склоняемся к противоположной версии: текст Повести о битве на р. Липице изначально располагался внутри летописного повествования и был вынесен за его пределы составителем Музейного летописца. Дело в том, что в основном тексте летописей вологодско-пермской группы и в дополнительных статьях, помещенных вне хронологии, применены различные подходы к работе с их основным источником, принадлежавшим к новгородско-софийскому семейству. В основной части текста его протограф был существенно отредактирован и сокращен. В дополнительных статьях, напротив, известия Софийской I летописи переданы без существенных изменений. Как было отмечено выше, текст Повести о битве на р. Липице в составе Музейного летописца передан в уже сокращенном виде. Следовательно, в нем отразился подход, характерный для основного текста памятников вологодско-пермской группы.

Таким образом, состав дополнительных статей в Музейном летописце был существенно отредактирован. Из текста Повести о взятии Царьграда фрягами были удалены статьи «О иконе Одигитрии» и «О ризе». Отсутствуют также начальная часть Повести временных лет, известия о смерти кн. Александра Невского и о убиении кн. Михаила Черниговского. При этом за пределы летописной хронологии вынесена Повесть о битве на р. Липице. Чтобы понять причины подобной редакторской работы, следует обратить внимание на тематику дополнительных статей. В Повести о взятии Царьграда фрягами говорится о падении Константинополя под натиском крестоносцев. Однако само нашествие рыцарей на Византию стало возможно только потому, что ее правители не смогли уладить свои внутренние разногласия. Сначала Алексей Дука низложил Исаака Ангела. Потом сын Исаака Алексей обратился за помощью к германскому императору и вернул власть с помощью рыцарей. Вместо того чтобы передать руководство своему отцу, как предписывало династическое право, он сам сел на царство, однако удержать бразды правления не смог. В результате контроль над ситуацией захватил Алексей Мурзуфл. Он также правил недолго. В конце концов власть в городе захватили крестоносцы. Согласно Повести о взятии Царьграда фрягами, империю сгубили дворцовые интриги и бесконечные внутренние распри. Сходные измышления присутствуют и в сообщениях, посвященных нашествию монголов. Русские князья не смогли объединить свои силы и потерпели поражения в битвах с войсками Батыя. Менее ярко тема раздробленности проявляется в Повести о битве на Калке. В ее тексте лишь сообщается, что татары одержали победу «за прегрешение христьянское». Повесть о битве на Липице является памятником, в котором подробнейшим образом изложены события одного из самых кровопролитных междоусобных столкновений русской истории, произошедшего между младшими сыновьями кн. Всеволода Большое Гнездо Юрием и Ярославом и их старшим братом Константином, которого поддержал новгородский князь Мстислав Удатный. Объединив все вышеперечисленные произведения и расположив их перед основным текстом, составитель Музейного летописца сформировал цикл воинских повестей, связанных общей темой погибели православных государств под натиском захватчиков-иноверцев и идеей пагубности внутренних распрей, приводящих к неспособности противостоять внешней угрозе. Краткие сообщения «О иконе Одигитрии» и «О ризе» не вписывались в контекст данной подборки и поэтому были удалены.

Рассмотрев предварительные статьи Музейного летописца и переходя к изучению основной части его текста, содержащей погодное изложение русской истории, мы обнаруживаем, что композиционно она также не представляет собой единого целого и распадается на несколько фрагментов, разделенных хронологическими лакунами. Сначала следуют известия за 6748–6759 гг. (л. 97 об. — 109). Далее помещено изложение событий XIV–XV вв., начиная с Повести об убиении кн. Михаила Тверского под 6827 г. и заканчивая кратким сообщением о взятии Царьграда турками под 6960 г. (л. 109–236). После этого следуют пространные рассказы «О Едигее» и «О Талыче» без указания точной даты и краткое известие о браке дочери Василия I Анны и византийского царевича Ивана Мануиловича под 6919 г. (л. 236–240 об.). В конце помещены повести о походе Ивана III на Новгород и о стоянии на Угре (л. 240 об. — 255 об.). В указанной части текста Музейный список содержит ряд утрат[7]. Кроме того, в нем явно отсутствует окончание. Памятник обрывается на словах «и у Пречистые Его Матери и у Чюдотворцова гробу Петрова, и у Алексея, и у иных у прочих чюдотворцев, бьючи челом» (л. 255 об.). Эти утраты, а также окончание текста могут быть восстановлены по Воронцовскому списку. В последнем после концовки Повести о стоянии на р. Угре помещен также краткий летописчик с известиями за 6990–6994 гг.

Таким образом, вторая часть Музейного летописца представляет собой три комплекса известий, не связанных хронологически, однако заимствованных из одного источника, которым послужила Вологодско-Пермская летопись. Данное обстоятельство послужило для И. М. Кудрявцева основанием считать Музейный летописец редакцией Вологодско-Пермской летописи. Лакуны между блоками статей Музейного летописца исследователи связывают с тем, что в рукописи РГБ, Муз. 3271 текст сохранился «в фрагментарном виде» [Лурье, 1989, 38–39]. Хронологические разрывы действительно могли образоваться случайно (например, в результате утраты листов в протографе Музейного летописца). Однако нельзя исключать вероятность их возникновения в результате реализации определенного замысла составителем рассматриваемого памятника. Первое объяснение кажется нам маловероятным. Если бы лакуны появились в результате механических повреждений, то начальные известия вышеперечисленных фрагментов не имели бы начала, а конечные — окончания. Иными словами, каждый комплекс известий начинался бы с середины предложения и обрывался бы на половине фразы, как это бывает при утрате листов. Однако в блоках сообщений Музейного летописца подобной ситуации не наблюдается. Поэтому мы склоняемся ко второму объяснению. При внимательном прочтении становится очевидно, что статьи внутри каждого блока объединены общей тематикой и идеями. Подборка за 6748–6759 гг. посвящена периоду русской истории, связанному с деятельностью кн. Александра Невского. Примечательно, что она завершается именно известием за 6759 (1250/51) г. Жизненный путь кн. Александра Невского не обрывается на этой дате. Его жизнеописание могло быть продолжено. Однако в этом году произошло последнее ключевое событие в биографии князя. К нему прибыло посольство от Римского папы. Легаты призывали князя принять католическую веру. Князь Александр отверг их предложение. Таким образом, составитель Музейного летописца описывал прежде всего подвиги князя на ниве защиты православной веры. Комплекс известий за 6825–6960 гг. содержит сообщения, объединенные общей темой возвышения Москвы. Не случайно повествование открывается Повестью об убийстве кн. Михаила Тверского. Именно после этого события правители Москвы впервые получили ярлык на Владимирское великое княжение[8]. Московское княжество стало центром

[7] Утрачено три листа после л. 247 об., четыре листа после л. 251 об.

[8] Сам князь Юрий Даниилович, участвовавший в казни кн. Михаила, стал первым московским князем, получившим ярлык на великое княжение. В 1321 г. его власть признал даже сын кн. Михаила Дмитрий, который передал кн. Юрию ордынскую дань со всей Тверской земли. Однако кн. Юрий направил деньги не в Орду, а в Новгород с целью получения прибыли

объединения русских земель и резиденцией русских митрополитов. Текст завершается известием о взятии Константинополя турками. Именно с этим событием московские интеллектуалы связывали изменение положения Москвы, именуя ее то «Вторым Константинополем», то «Третьим Римом». В истории русских земель наступил новый этап. Иными словами, комплекс известий за 6825–6960 гг. описывает период, когда Московское княжество уже стало центром Руси, но еще не являлось центром всемирного православия. Последующие известия тематически примыкают к данному блоку. Повести «О Едигее» и «О Талыче» объединены общей тематикой нашествия ордынских войск на русские земли. Несколько обособленно стоит в Музейном летописце известие «О княжне Анне», в котором сообщается о свадьбе дочери кн. Василия Дмитриевича и византийского царевича Иоанна Палеолога. Данная статья продублирована. Первый раз она помещена в Музейном летописце под 6919 г. Причины подобного повтора не вполне ясны. Возможно, составитель Музейного летописца таким образом подчеркнул связь между московским княжеским домом и византийской императорской династией, что вполне вписывается в логику повествования. Известие о битве на р. Шелони сообщает об одном из ключевых достижений московских великих князей в деле объединения Руси — о присоединении Новгорода. Наконец, Повесть о битве на р. Угре посвящена обретению Московским княжеством независимости от Орды. Примечательно, что блоки известий Музейного летописца объединены общими идеями не только внутри, но и между собой. В памятнике настойчиво проводится мысль о необходимости объединения русских земель вокруг Москвы — без этого Русь не сможет противостоять врагам и сохранить верность православию.

Таким образом, непрерывное летописное повествование в Музейном летописце отсутствует. Композиционно текст представляет собой пространные выборки, разделенные хронологическими лакунами. Однако это не значит, что данный памятник лишен концептуальной целостности. Каждая его составная часть посвящена тому или иному сюжету, а все вместе они отображают определенный исторический процесс. В XIII в. православный мир постиг затяжной кризис, который начался в первой половине столетия с взятия Константинополя крестоносцами и завоевания Руси монголами и завершился во 2-й пол. XV в. ликвидацией монгольского ига и становлением Великого княжества Московского в качестве центра ортодоксального христианства. Представляется, что в Музейном летописце отразилась определенная рефлексия по поводу этих событий.

Рассмотрев композицию Музейного летописца, переходим к основному вопросу настоящей статьи — к определению места рассматриваемого произведения в системе русского летописания. Я. С. Лурье считал, что в Музейном летописце представлен московский свод 50-х гг. XV в., доведенный до краткого известия о взятии Константинополя в 1453 г. Последующие статьи, по мнению исследователя, восходят к Вологодско-Пермской летописи. Данная точка зрения имела бы под собой некоторые основания, если бы лакуны между составными частями Музейного

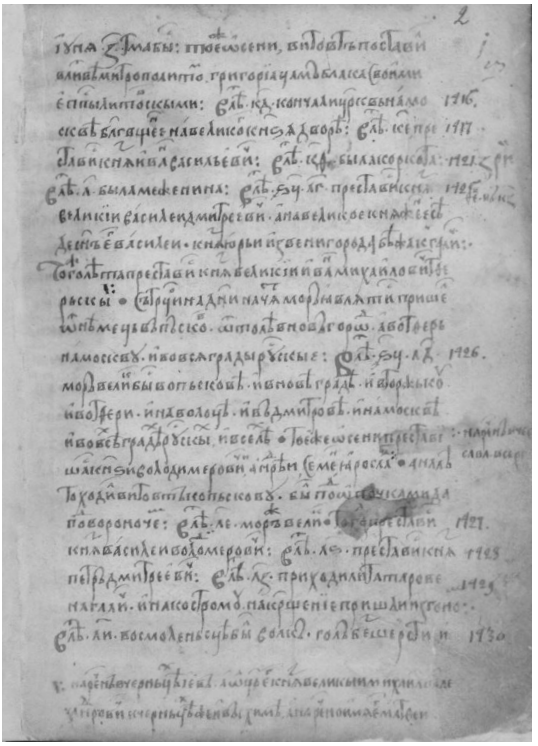
от финансовых махинаций. Операции московского правителя кончились неудачей. Дань была утрачена, а кн. Юрий лишился великокняжеского статуса. Ярлык на Владимирское княжение перешел к кн. Дмитрию Тверскому. Впоследствии оба князя встретились в Орде, где кн. Дмитрий умертвил кн. Юрия, после чего был казнен за самоуправство. После этого великим князем стал младший брат Дмитрия Александр. В 1327 г. в Тверь прибыл родственник хана Чолхан (Шевкал). Он поселился в княжеском дворце, выгнав оттуда кн. Александра. Действия ханского посла привели к восстанию в Твери. Шевкал был убит. После этого в Тверскую землю была направлена карательная экспедиция, в которой приняли участие князья Александр Васильевич Суздальский и Иван Данилович Московский (Калита). Князь Александр Михайлович бежал из Твери. Ярлык на великое княжение получил Александр Суздальский. Иван Московский стал новгородским князем. После смерти суздальского князя Владимир также перешел под контроль Калиты. С этого времени московские князья становятся бессменными обладателями великокняжеского титула.

летописца возникли в результате механических утрат. В этом случае можно было бы утверждать, что изначально в Музейном летописце был представлен непрерывный текст. Однако, как было отмечено выше, лакуны появились в результате сознательного удаления целых блоков известий. Подобная дискретность повествования выглядит странно для великокняжеского свода. Мнение Я. С. Лурье о восхождении текста до 1453 г. и после него к разным источникам не представляется нам достаточно обоснованным. Повествование до указанной даты и после нее текстологически сходно с Вологодско-Пермской летописью. Как было отмечено выше, Музейный летописец представляет собой комплекс летописных подборок, объединенных общей тематикой. Одна из них посвящена возвышению Великого княжества Московского как центра русской земли. Ее окончание на известии о взятии Константинополя вполне укладывается в концепцию составителя памятника. После падения «Второго Рима» в истории Москвы, с точки зрения русских книжников, начинается новый этап — она постепенно становится центром православного мира. Кроме того, под 6960 г. после сообщения о падении Царьграда во всех памятниках вологодско-пермской группы помещена статья «О великаго князя свадьбе Иоана Васильевича» (Летопись Лавровского, 2018, 95; Вологодско-Пермская летопись, 2006, 212). Лишь в Музейном летописце она отсутствует. Ее удаление из текста трудно было бы объяснить, если бы в рассматриваемом памятнике был представлен текст московского великокняжеского свода. Столь же опрометчиво считать Музейный летописец одной из ранних редакций Вологодско-Пермской летописи, как то делает И. М. Кудрявцев. Тезис о том, что последняя лежит в основе памятника, высказывался в историографии неоднократно и сомнению не подлежит[9]. Однако, в соответствии с авторской концепцией, текст Вологодско-Пермской летописи подвергся существенным изменениям. Как было отмечено выше, после Повести о взятии Царьграда фрягами были удалены краткие сообщения «О иконе Одигитрии» и «О ризе». Вне хронологии была помещена Повесть о битве на р. Липице. Из текста были удалены целые блоки известий, которые не способствовали раскрытию исторической концепции составителя Музейного летописца. Рассматриваемый памятник не является ни отражением московского свода 50-х гг. XV в., ни первоначальной редакцией Вологодско-Пермской летописи. Музейный летописец — особый памятник русской исторической книжности, уникальный с композиционной точки зрения. Это комплекс летописных подборок, посвященных общей теме — становлению московского княжества центром русских земель и православного мира. В этом отношении он не выбивается из общего литературного контекста последней четверти XV — нач. XVI вв. Именно в указанный период создаются Повесть о стоянии на Угре (вошедшая в текст Музейного летописца), «Изложение пасхалии» митр. Зосимы, Послание Спиридона-Саввы о Мономаховом венце, Сказание о князьях Владимирских и другие произведения, посвященные становлению Москвы в качестве столицы мирового православия.

Итак, мы обозначили место рассматриваемого памятника в системе древнерусской литературы в целом и русского летописания в частности. Однако один вопрос остается без ответа. Непонятно, какие цели преследовал составитель Музейного летописца, создавая комплекс подборок, объединенных общей проблематикой. Следует заметить, что отрывочность повествования, присущая изучаемому тексту, нехарактерна для произведений древнерусской литературы. К какому бы жанру они ни принадлежали, в них всегда будет просматриваться законченная композиция. Даже в летописях в большинстве случаев наблюдается последовательное изложение исторических событий по годам. Исключение составляют заготовки и выписки для создания более масштабных памятников русской книжности. Не исключено, что Музейный летописец является подобного рода заготовкой.

[9] В частности, выше мы отметили, что в воинских повестях, предваряющих текст Музейного летописца, в ряде случаев помещены более исправные чтения, чем в других списках Вологодско-Пермской летописи.

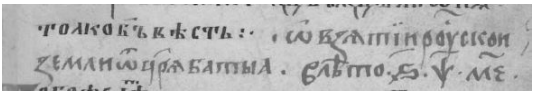
Однако какой именно текст планировалось создать на его основе? В связи с поисками ответа на поставленный вопрос особую ценность имеют наблюдения О. Л. Новиковой. В целом ряде своих статей исследовательница рассмотрела литературную деятельность книжника, переписавшего первую часть конволюта РГБ, Муз. 3271, предшествующую Музейному летописцу (л. 1–65) (илл. 1). Она предложила именовать его «книжником Х», пока его имя не установлено. Однако, по мнению О. Л. Новиковой, не подлежит сомнению, что он был насельником Кирилло-Белозерского монастыря и имел доступ к монастырским книгам и келейным сборникам братии, а также к личным рукописям людей, по той или иной причине находившихся в обители [Новикова, 2011; Новикова, 2012]. Изучая литературную деятельность «книжника Х», исследовательница обратила внимание на текст, помещенный на л. 229–233 об. сборника РНБ, Q.XVII.57. Данное произведение представляет собой фрагмент хронографической компиляции [Новикова, 2017, 319]. Впоследствии ее текст был дополнен подборкой выписок из Толковой Палеи РНБ, Кир.-Бел. 150, Восьмикнижия и Троицкого хронографа (эта подборка отразилась в рукописи РГБ, Ф. 304. I. № 770). В сер. XVI в. получившаяся компиляция была переписана книжником Вассианом. Ее текст отразился в сборнике СПб ИИ РАН, собр. Археографической комиссии № 244 (л. 24 об. — 48) [Новикова, 2017, 361]. Таким образом, удалось реконструировать процесс создания Хронографа, ставшего результатом деятельности нескольких поколений кирилло-белозерских книжников [Новикова, 2017, 365]. Примечательно, что опыты составления хронографов предпринимались в Кирилло-Белозерском монастыре и раньше. В частности, пример подобной работы отразился в рукописи РНБ, Кир.-Бел. 22/1099 (далее — КБ-22). В ее начальной части помещена краткая и черновая по своему виду компиляция, объединившая повествование из библейской, византийской и русской истории. Окончательное оформление текста этого памятника было осуществлено книжником Ефросином около 1475 г. [Новикова, 2016]. Именно текст в составе КБ-22 и был положен в основу компиляции в составе сборника РНБ, Q.XVII.57 и дополнен по другим источникам. В контексте настоящего исследования для нас важнее то обстоятельство, что переписчик первой части Музейного летописца вел работы, направленные на составление хронографа. Масштабы данного литературного мероприятия не следует преувеличивать. В сборниках РНБ, Q.XVII.57 и СПб ИИ РАН, колл. Археографической комиссии № 11 помещены небольшие тексты, в которых исторические события изложены крайне лапидарно. Фактически памятники, о которых пишет О. Л. Новикова, представляют собой перечень царей с указаниями лет их правления. Это своеобразная основа, «скелет» хронографического текста, который можно было бы расширить, дополнив фактами, касающимися всемирной и русской истории. Вполне возможно, что «книжник Х»

Илл. 1. РГБ. Муз. 3271. Л. 2.
Почерк «книжника Х»

не ставил перед собой столь амбициозных задач и планировал ограничиться кратким изложением всемирной истории. Однако нельзя исключать и противоположного: книгописец вполне мог задумываться и о расширении текста. Масштабы его замыслов нам неизвестны. Однако характеризуя литературную деятельность «книжника Х» в целом, О. Л. Новикова пишет: «В сборниках книжника Х существенное место занимают сведения по русской истории, не говоря о том, что в рукописи Муз. 3271 читается написанный его рукой текст „Летописца русского“ с собственноручными редакторскими добавлениями. Это позволяет предположить, что публикуемый ниже Хронограф планировалось продолжать» [Новикова, 2017, 366].

Наблюдения О. Л. Новиковой наводят на мысль, что Музейный летописец вполне мог послужить заготовкой русской части рассматриваемого хронографа. Это тем более вероятно, если принять во внимание то обстоятельство, что «книжник Х» участвовал в работе не только над первой частью конволюта РГБ, Муз. 3271, но и в подготовке второй его части. Основной текст Музейного летописца выполнен другими почерками[10] и на другой бумаге[11]. Однако заголовки на л. 66, 70 об. и 76 написаны тем же почерком, что и первая часть рукописи (илл. 2). Их каллиграфию и почерк «книжника Х» сближают следующие особенности: 1) написание буквы *ѣ* с высокой горизонтальной волнообразной мачтой; 2) написание буквы *а* с заостренным нижним элементом и с небольшой засечкой на верхнем конце диагональной мачты. Определить причины, по которым «книжник Х» выполнил лишь заглавия на л. 66, 70 об. и 76, однако не принимал участия в работе над основным текстом, затруднительно. В контексте настоящего исследования более важно другое — обе части конволюта РГБ, Муз. 3271 представляют собой единый комплекс материалов. «Книжник Х» был знаком с Музейным летописцем, работал с его текстом и вполне мог использовать для решения тех или иных литературных задач. В пользу предположения о том, что рассматриваемый памятник являлся заготовкой русской части

Илл. 2. РГБ. Муз. 3271. Л. 76. Заголовок (предположительно рукой «книжника Х»)

[10] Первый почерк представлен на л. 66–77 об. (кроме последних двух строк). Второй почерк представлен на л. 77 об. (последние две строки) — 255 об. Ни один из них не тождествен почерку «книжника Х».

[11] Первая часть конволюта выполнена на бумаге со следующими филигранями: 1) голова быка под крестом, обвитым змеей, расположена в боковой части листа, вид: Лихачев 3728 (1493 г.) (нижняя часть — л. 2, 3; верхняя часть не представлена); 2) голова быка под крестом, обвитым змеей, расположена в центре листа, вид: Лихачев 1238 (1495 г.) (нижняя часть — л. 11, 16, 23, 25, 26, 27; верхняя часть — 13, 18, 19, 20, 32, 33); 3) голова быка под короной, вид: Лихачев 1189 (1481 г.) (нижняя часть — л. 39, 44, верхняя часть — л. 40, 50, 51, 63); 4) голова быка под короной, вид: Лихачев 1189 (1481 г.) (нижняя часть — л. 35, 42, 55, 60, 64; верхняя часть — л. 36, 47, 49, 59); 5) гербовый щит под короной с четырехлистником с изображением трех геральдических лилий и готической литерой «I» в нижней части, вид: Лихачев 1454 (1514 г.) (верхняя часть — л. 6, 10; нижняя часть — л. 7). Во второй части рукописи выявлены следующие филиграни: 1) папская шляпа, вид: Лихачев 3509 (1488 г.) (верхняя часть — л. 66, 71, 74, 79, 258, 265, 267, 272, 275, 280, 290; нижняя часть — л. 68, 73, 76, 257, 262, 266, 268, 271, 279, 285, 289); 2) голова быка под крестом, обвитым змеей, расположена в боковой части листа, вид: Лихачев 3728 (1493 г.), 2965 (фрагмент, 1499 г.) (нижняя часть — л. 103, 104, 109, 112, 116, 142, 146, 157, 161, 182, 190, 195, 199, 205, 219, 223, 224, 230, 235, 238, 240, 249; верхняя часть — л. 99, 100, 110, 119, 141, 153, 154, 158, 181, 189, 192, 196, 200, 216, 227, 228, 231, 233, 236, 247, 250); 3) голова быка под крестом, обвитым змеей, расположена в боковой части листа, вид: Лихачев 3728 (1493 г.), 2965 (фрагмент, 1499 г.) (нижняя часть — л. 86, 89, 90, 93, 123, 129, 132, 136, 138, 150, 169, 170, 172, 178, 187, 208, 213, 214, 242, 253; верхняя часть — л. 82, 94, 97, 122, 128, 131, 135, 149, 162, 163, 175, 177, 185, 206, 211, 221, 245, 254); 4) голова быка под пятилистником, не отожд. (верхняя часть — л. 117; нижняя часть — л. 118). Филигрань № 1 первой части близка к филиграни № 2 второй части, однако не тождественна ей. Столь высокая степень сходства филиграней позволяет полагать, что обе части конволюта создавались примерно в одно время, однако не свидетельствует сама по себе об их составлении в одном кругу книжников.

хронографа, свидетельствуют следующие обстоятельства. Во-первых, в Музейном летописце известия расположены блоками. В некоторых случаях текст представляет собой подборки повестей. Подобное расположение материала удобно для составителя хронографа. В этой связи представляется целесообразным вспомнить, каким образом организован русский материал в хронографических компиляциях XV — нач. XVII вв., сохранившихся до наших дней. В Еллинском летописце собственно русские известия отсутствуют. Из летописных источников в текст было вставлено три воинских повести: о походе кн. Олега на Константинополь (6414 г.) (Летописец Еллинский и Римский, 1999, 473–474), о походе кн. Игоря на Константинополь (6448 г.) (Летописец Еллинский и Римский, 1999, 502) и о взятии Царьграда фрягами (6712 г.) (Летописец Еллинский и Римский, 1999, 507–511). Указанные памятники заимствовались из разных источников и, вероятно, выверялись по нескольким рукописям. Для того чтобы провести подобную работу, необходимо было выписать повести и отредактировать их, прежде чем включать в состав Еллинского летописца. В Хронографе редакции 1512 г. русские известия заимствованы из Сокращенного летописца 1495 г. [Клосс, 1971, 246–249] и расположены блоками, чередующимися с изложением греческой, болгарской и сербской истории. При этом в тексте присутствует пространная воинская повесть о походе Батыя на Русь, которая не читается в его летописном источнике. Еще более показательная ситуация наблюдается в хронографах 1599 г., 1601 г. и Русском временнике. Помимо русских известий, восходящих к Хронографу 1512 г., в них читается несколько блоков сообщений, явно заимствованных из летописных источников. Так, в рассматриваемых памятниках помещен цикл известий из Повести временных лет, посвященных крещению Руси («О християнине и варязе и сыне его Иване, убиенных Христа ради», «О срацынскои вере», «О немецкои вере», «О жидовскои вере», «О вере християнъстеи», «И нача философ глаголати», «О испытание веры християнъская», «О взятии града Корсуня и о крещении великаго князя Владимера», «Крещение», «Молитва») (Хронограф 1599 г. Л. 434–445; Русский временник. Л. 574 об. — 591.). Второй цикл сообщений затрагивает события 1-й пол. XIII в. и включает в себя Повесть о битве на р. Липице и Повесть о разорении Рязани Батыем хронографической редакции (текст под заголовками «О пришествии Николина образа на Резань из Корсуня», «О великом побоище, иже на Калке реце Русь», «В лето 745 нашествие безбожнаго царя Батыя на Русскую землю», «О взятии града Москвы», «О взятии града Владимера», «О Еупатии Коловрате», «О убиении Василка Констянтиновича», «О шествии Батыя в Новгородцкую землю», «О мучении великаго князя Михаила и Феодора, болярина его, за Христа», «О убиении Батыя») (Хронограф 1599 г. Л. 465 об. — 478; Русский временник. Л. 644 об. — 668 об.). В Русском временнике комплекс статей был расширен сообщениями «О граде Смоленске», «Явление пресвятыя Богородицы и о святем Меркурии», «О Невском побоищи великаго князя Александра», «О Пелгусии Ижерянине», «О шти храбрых», «Ледовое побоище» (Русский временник. Л. 668 об. — 682). Кроме того, начиная с изложения событий XV в. в нем прослеживается цепь заимствований из Летописного свода 1560 г., которая обрывается на 1533 г. В Хронографе 1599 г. эта цепочка сообщений отсутствует, однако на л. 511–530 под заголовком «Начало царства царя и великаго князя Ивана Васильевича всея Русии, от отца его преставления блаженнаго и приснапамятнаго великаго князя Василия Ивановича всея Русии, во иноцех Варлаама» помещен краткий летописец за 1533–1552 гг., восходящий к тому же источнику. На основании ряда признаков можно сделать вывод о том, что рассматриваемые заимствования в Русском временнике и Хронографе 1599 г. восходят к общему протографу — краткому летописцу, основанному на Своде 1560 г. Случаев обращения к последнему со стороны составителя Хронографа 1601 г. выявить не удалось. Так или иначе, в основе трех рассматриваемых хронографических компиляций лежала общая подборка русских материалов, в состав которой входили циклы тематических повестей, посвященных крещению Руси и монгольскому нашествию [Жуков, 2022, 145–146]. В контексте настоящего исследования для нас важно, что данный комплекс статей по своему составу близок к повестям, расположенным в начальной части

Музейного летописца. Говоря об этом сходстве, мы не имеем в виду использование Музейного летописца в качестве источника хронографов рубежа XVI–XVII вв. Для подобной гипотезы нет никаких оснований, поскольку непосредственной текстологической связи между указанными памятниками не прослеживается. Мы лишь хотим сказать, что логика составителя Музейного летописца и методика его работы совпадали с подходом книжников, работавших над созданием хронографических компиляций. И в том, и в другом случае наблюдается расположение русских сообщений блоками со вставками воинских повестей. Примечательно в этом отношении, что составители хронографов, как и автор Музейного летописца, проявляли особое внимание к теме Батыева нашествия. Говоря о связи рассматриваемого памятника с традицией составления хронографических компиляций, следует также отметить, что в заключительной части конволюта РГБ, Муз. 3271 после собственно Музейного летописца помещен отрывок «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия со слов «возлюби оца его и смысленъ бысть возрастомъ» до слов «биаше непрестанно победник къ сте» (Музейный летописец. Л. 256–291 об.). Начальная часть и окончание текста утрачены. Почерк «Истории Иудейской войны» отличается от почерка, которым написан Музейный летописец. Однако он выполнен на той же бумаге, на которой написан текст последнего[12]. Следует заметить, что «История Иудейской войны» нередко использовалась в качестве источника хронографических компиляций. В частности, в полном объеме ее текст был включен в состав Еллинского летописца. Вышеизложенные аргументы носят косвенный характер и сами по себе не свидетельствуют о том, что Музейный летописец является заготовкой для русской части хронографа. Поэтому наши размышления остаются лишь гипотезой. Однако если наша догадка верна, то «книжник Х» производил свои историографические мероприятия не в одиночку. Вместе с ним работало по меньшей мере три книгописца. Кроме того, масштабы его замысла не ограничивались кратким изложением всемирной истории. Можно сформулировать осторожное предположение, что в стенах Кирилло-Белозерского монастыря велась подготовка текста, сопоставимого по объемам представленного материала с Русским хронографом и Еллинским летописцем.

Подведем итоги настоящего исследования. Мы рассмотрели композицию Музейного летописца и пришли к выводу, что он не является ни отражением московского великокняжеского свода 50-х гг. XV в., ни первоначальной редакцией Вологодско-Пермской летописи. Памятник представляет собой комплекс летописных выборок, объединенных по тематическому принципу. Есть некоторые основания полагать, что эти выборки были одной из заготовок для создания хронографа, содержащего известия как по всемирной, так и по русской истории. По своему замыслу этот гипотетический памятник должен был сближаться с Хронографом 1512 г. Впрочем, эти измышления остаются всего лишь догадками. Возможно, впоследствии вопрос о природе Музейного летописца как памятника русской исторической книжности будет уточнен.

Источники и литература

Источники

1. Вологодско-Пермская летопись (2006) — Полное собрание русских летописей. М., 2006. Т. 26: Вологодско-Пермская летопись.

2. Летописец Еллинский и Римский (1999) — Летописец Еллинский и Римский / Вступит. ст., археограф. обзор и крит. аппарат изд. подгот. О. В. Твороговым. СПб., 1999.

[12] Филигрань «Папская шляпа» просматривается на л. 66–79, содержащих начало Музейного летописца, и на л. 258–291, содержащих «Историю Иудейской войны» Иосифа Флавия.

3. Летопись Лавровского (2018) — Полное собрание русских летописей. СПб., 2018. Т. 46: Летопись Лавровского.

4. Музейный летописец — РГБ (Российская государственная библиотека). Ф. 178. Музейное собр. № 3271.

5. Новгородская I летопись (2000) — Полное собрание русских летописей. М., 2000. Т. 3: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов.

6. Русский временник — РНБ (Российская национальная библиотека). F.IV.244. Л. 574 об.–591.

7. Софийская I летопись (1925) — Полное собрание русских летописей. Л., 1925. Т. 5. Изд. 2-е.

8. Софийская I летопись (2000) — Полное собрание русских летописей. М., 2000. Т. 6. Вып. 1: Софийская первая летопись старшего извода.

9. Хронограф 1599 г. — БАН (Библиотека Академии наук). 31.6.27.

Литература

10. Долгов (1902) — *Долгов С. О.* Московский собор 1490 г. против жидовствующих. По новооткрытым документам // ЧОИДР. М., 1902. Кн. 3 (202). С. 111–126.

11. Жуков (2013) — *Жуков А. Е.* К вопросу о редактировании летописных источников в Еллинском летописце второго вида // Новгородский исторический сборник. Великий Новгород, 2013. Т. 13 (23). С. 151–170.

12. Жуков (2022) — *Жуков А. Е.* Летописный свод 1560 г. М.; СПб., 2022.

13. Зимин (1957) — *Зимин А. А.* Новые списки «Хожения» Афанасия Никитина // ТОДРЛ. М.; Л., 1957. Т. 13. С. 437–439.

14. Казакова, Лурье (1955) — *Казакова Н. А., Лурье Я. С.* Антифеодальные еретические движения на Руси 14 — начала 15 века. М.; Л., 1955.

15. Клибанов (1960) — *Клибанов А. И.* Реформационные движения в России в XIV — первой половине XVI вв. М., 1960.

16. Клосс (2006) — *Клосс Б. М.* Предисловие к изданию 2006 г. // Полное собрание русских летописей. М., 2006. Т. 26: Вологодско-Пермская летопись. С. V–XXV.

17. Клосс (1971) — *Клосс Б. М.* О времени создания Русского хронографа // ТОДРЛ. Л., 1971. Т. 26. С. 244–255.

18. Клосс, Лурье (1976) — *Клосс Б. М., Лурье Я. С.* Русские летописи XI–XV вв. // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. М., 1976. Вып. 2. Ч. 1. С. 128–129.

19. Кудрявцев (1962) — *Кудрявцев И. М.* Сборник последней четверти XV — начала XVI в. из Музейного собрания. Материалы к исследованию // Записки Отдела рукописей ГБЛ. М., 1962. Вып. 25. С. 220–288.

20. Лурье (1973) — *Лурье Я. С.* Никаноровская и Вологодско-Пермская летописи как отражение великокняжеского летописания начала 70-х годов XV в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1973. Вып. 5. С. 219–250.

21. Лурье (1976) — *Лурье Я. С.* Общерусские летописи XIV–XV вв. М.; Л., 1976.

22. Лурье (1989) — *Лурье Я. С.* Летопись Вологодско-Пермская // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV–XVI в. Ч. 2: Л–Я. Л., 1989. С. 38–39.

23. Лурье (1994) — *Лурье Я. С.* Две истории Руси 15 века. СПб., 1994.

24. Майоров, Афанасьева (2013) — *Майоров А. В., Афанасьева Т. И.* Состав рукописи // Вологодско-Пермская летопись. Лондонский список. Кн. 1. СПб., 2013. С. 44–54.

25. Мещерский (1958) — *Мещерский Н. А.* История Иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.; Л., 1958.

26. Насонов (1955) — *Насонов А. Н.* Летописные памятники хранилищ Москвы // Проблемы источниковедения. М., 1955. Вып. IV. С. 243–285.

27. Новикова (2011) — *Новикова О. Л.* Сборник книжника рубежа XV–XVII веков с рассказами о Флорентийской унии и афонских монастырях: опыты атрибуции // Каптеревские чтения: Сб. статей. М., 2011. Вып. 9. С. 5–25.

28. Новикова (2012) — *Новикова О. Л.* Из истории редактирования летописных памятников в Кирилло-Белозерском монастыре на рубеже XV–XVI веков // Летописи и Хроники. Новые исследования. 2011–2012. М.; СПб., 2012. С. 206–235.

29. Новикова (2016) — *Новикова О. Л.* Опыты по составлению хронографа в Кирилло-Белозерском монастыре во второй половине XV — начале XVI века и происхождение «Криницы Досифея Топоркова» // Летописи и хроники. Новые исследования. 2015–2016. М.; СПб., 2016. С. 306–397.

30. Плигузов (1993) — *Плигузов А. И.* Текст-кентавр о сибирских самоедах. М.; Ньютонвиль, 1993.

31. Ржига (1926) — *Ржига В. Ф.* Литературная деятельность Ермолая-Еразма // Летопись занятий Археографической комиссии за 1923–1925 годы. Л., 1926. Вып. 33. С. 103–200.

32. Сакулин (1902) — *Сакулин П.* Русская повесть о воеводе Евстратии (К литературной истории саги о Велизарии) // «Под знаменем науки». Юбилейный сборник в честь Николая Ильича Стороженка, изданный учениками и почитателями. М., 1902. С. 481–487.

33. Седельников (1932) — *Седельников А. Д.* Рассказ 1490 г. об инквизиции // Труды Комиссии по древнерусской литературе. Л., 1932. Т. 1. С. 33–57.

34. Шибаев (2004) — *Шибаев М. А.* Летописные источники Еллинского летописца второго вида // Рукописная книга Древней Руси и славянских стран: от кодикологии к текстологии. СПб., 2004. С. 187–204.